

Линии, «перспективы», адреса

Как известно, с самого своего начала Петербург разительно отличался от Москвы и традиционных русских городов. Вместо типичных для Москвы и других городов улиц и переулков, проулков и закоулков, тупиков и тупичков в Петербурге были в основном «линии» и «перспективы». Первый историк города А. И. Богданов так объясняет суть понятия «линия»: «Линиями называются потому, что каждая линия пересекается вдоль каналами, по которым как пеши ходят и конные ездят не по середине, но по сторонам, и в каждой улице одна сторона называется первая линия, а другая сторона называется вторая линия». Линии были символом регулярного строительства. Судя по проектам и наброскам, Петр мечтал видеть весь город в линиях. Появление этого термина О. Г. Агеева относит к 1712 г., а появление понятия «перспективной улицы», как сугубо сухопутной, столь же прямой (как и линия), широкой, уходящей вдаль, за город улицы или дороги, относит к 1721 г., когда оно упоминается в указах.⁵⁷ Думаю, что понятие и термин этот появились наверняка раньше 1721 г. По крайней мере, понятие «перспективная» мне попадалось в документах за 1720 г. (указ об отпуске Фонармусу кирпича «на дело слюзов на перспективную»⁵⁸). Известно также, что художник Иван Никитин с братом Романом в 1720 г. получили место под двор «на Адмиралтейском острове по берегу речки Мыи на перспективной дороге близ Синяго мосту на правой стороне место с хоромным строением». Из контекста следует, что «перспективная дорога» называлась еще «Воскресенской улицей»,⁵⁹ то есть термин «перспективная дорога» (или иногда «перспективная») имел синоним: «улица».

Впрочем, точно сказать, когда появились имена улиц, линий, «перспектив» мы не можем. Слободская система адресов, с вкраплением понятия «улица», сочеталась с названиями линий и перспектив (проспектов). Из новых названий, возможно, первыми были универсальные, типа «Наличная линия» и «Задняя линия», а также «номерные» названия («1-я линия», «2-я линия» и др.), хотя настаивать на этом не буду. По крайней мере, не позже 1718 г. петербуржцы знали, где искать «1-ю линию» Васильевского острова.⁶⁰ Не позже середины 1720-х гг. известно название «Французеской улицы» на Васильевском острове.⁶¹ Там жил архитектор Леблон и другие французы. Часто упоминается «Посадская улица» на Петербургской стороне, «Татарская улица» за кронверком, «Литейная

⁵⁷ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...»... С. 174, 180, 223.

⁵⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 25. Л. 4.

⁵⁹ Бройман Л. И. Адреса архитекторов и художников XVIII века в Петербурге // КЗ. СПб., 1996. Вып. 4. С. 85. См. также: Алексеева М. А. Где находился дом живописца Ивана Никитина в Петербурге? // ПЧ-96. С. 44.

⁶⁰ Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 129.

⁶¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44г. Л. 89 об.

Проспект Государственных коллегий и части Гостиного двора.
Е. Г. Внуков. 1750—1753

линия [улица]» на Московской стороне. Впрочем, сила московских традиций, принципы земляческого и профессионального расселения да и первоначально стихийная застройка города в нескольких, отдаленных друг от друга местах привела к тому, что в Петербурге долго сохранялось понятие «слобода»: на Городовом острове были Оружейная, Татарская, Русская, Дворянская, Казачья слободы. Упомянутая «Французская улица» (где-то в начале современных 1—4-й линий Васильевского острова, но не далее Среднего проспекта) известна также как «Французская слобода». На Адмиралтейском острове были Немецкая слобода (причем так порой называлась большая часть Адмиралтейского острова, включая и другие инородческие слободы), Греческая, две Морские, Кузнечная, Астраханская, одна или две Пушкарские, Прядильная, три Шневенские слободы, на Московской стороне — две или три Ямские, Литейная, Аничкова, Смоленская слободы. При этом «слободы» и «улицы» бывали синонимами, взаимозаменялись. Более четко понимался термин «сторона» как определение части, большого района города. Если название «Русская слобода» могло вызвать дополнительные вопросы, то название «Московская», «Адмиралтейская» или «Городовая сторона» вопросов не вызывало.

В документах петровских времен встречаются и первые названия мостов: «...от Морского мосту по берегу Мыи-речки до Краснова мосту».⁶² Название Красного моста, как и Зеленого, объяснялось первоначальной окраской сооружения. «Безымянный Ерик» не сразу превратился в Фонтанку, а долго был «Фонтанной речкой» и даже «Фантальной рекой»,⁶³ как и Мойка долго называлась Мыей или «Маленькой речкой», что, кстати, распространялось и на другие малые реки города.

Одни адреса сразу были просты и понятны (например, «На Московской стороне по Литейной улице»), но другие требовали больших пояснений — ведь многие места в городе, а также линии и улицы оставались безымянными. Ориентироваться в городе было непросто: называя адрес, обычно указывали наиболее приметное там строение. Если приезжий остановился в Постхаузе и спросил, как ему найти дом приятеля за Шневенским рынком, то ему советовали пойти по Миллионной линии, выйти на «Луг» — незастроенное пространство рядом с Адмиралтейством, пройти мимо кабака, вдоль длинного канатного сарая, где вили корабельные канаты, затем мимо «Исакия» — деревянной церкви Исаакия Далматского — и завернуть к «Шневенской слободе» и рынку, названному по имени командира поселенных тут морских пехотинцев полковника Шневенца. Возможно, адресат жил в постоялом дворе («вольном доме») Меншикова, который для приезжих арендовала у светлейшего казна.

Не менее трудно было указать адрес при покупке-продаже жилья. В июле 1720 г. так указывался адрес двора (точнее, строения), который лейб-медик Лаврентий Блюментрост продавал в казну: «Загородной двор, которой на Адмиралтейском острове на берегу малинковой речки позади ево, Блюментростова двора, что у Зимнего Государева дому».⁶⁴ Подрядчик Константин Кралков писал о своем адресе совсем по-московски: «И двор свой [имеет] при Санкт-Питер-Бурхе в приходе Матвея апостола».⁶⁵ Вообще, с последним, столь привычным в России церковно-приходским ориентиром в Петербурге было непросто. Город имел поразительно мало (учитывая численность его населения) церквей и всего лишь один только монастырь — Александро-Невский. Поэтому, в начале главы «разглядывая» толпу первых петербуржцев на улицах города, мы почти не увидели бы там людей в рясах — не то, что в Москве с ее «сорока сороками».

Почти сразу в городе возникло несколько «пяточков» — мест, чем-то приметных и оживленных. Здесь встречались люди, оглашали царские указы и «ставили листы» об объявленных подрядах на работы. На известной гравюре М. И. Махаева «Проспект Государственных коллегий» видна толпа народа, окружившая столб с балдахином, под которым глашатай читает указ. Рядом стоит барабанщик, который сзывал народ дробью сво-

⁶² Там же. Оп. 1. Д. 7г. Л. 1268.

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 530. Л. 3, 9, 26.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 360.

⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 416. Л. 704.

его барабана. В таких местах оглашали и указы о подрядных работах. По документам петровского времени можно определить, где были эти «пяточки» и где было многолюднее всего. Это площадки у государственных учреждений: «у Акцизной камеры», «у Полицмейстерской канцелярии», «у врат Строительной канцелярии», «у Ратуши». Указы оглашались у церквей («у столба, который близ церкви Живоначальной Троицы», «у Рождества Богородицы, что в Посадской», а также «в Оружейной слободе, у кузнечного ряду»), но больше всего на рынках и у кабаков («на Сытном рынке», «у кабака на Сытном рынке», «у австении, что в Татарской улице», «у австении, что против кронверха», «у кабака в Посадской улице», «у Гостина двора с Наличной линии, у ворот» (все это Петербургская сторона). На Адмиралтейской стороне указы читали «у Мытного двора», «за Большой Невой у Летнего двора», «у Почтового двора», «у церкви Богородицы Казанской», «у церкви Исаакия Долмацкого», «у кирхи немецкой, что близ Зимнего дому».⁶⁶ Тут можно было поговорить, обменяться новостями, выкурить одну-другую белоглинянную голландскую трубку, множество которых (как и красноглинянных и сероглинянных) в разных частях города находят до сих пор археологи.⁶⁷